Петер Форсскольд

МЫСЛИ О ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЕ

Перевод оригинала рукописи с комментариями

Москва, 2010

Форссколь П. Мысли о гражданской свободе. Перевод оригинала рукописи с комментариями. – Москва: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. – 52 с.

Рекомендовано к печати Ученым советом факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Трактат выдающегося скандинавского мыслителя и ученого Петера Форсколя (1732–1763) «Мысли о гражданской свободе» (1759) представляет ценность не только для исследователя, но и для любого непредвзято мыслящего читателя, интересующегося вопросами гражданских свобод в целом и свободой печати, в частности. Смелое и провокационное по тем временам содержание брошюры оказало колоссальное позитивное влияние на принятие в Швеции в 1766 году закона о свободе печати – первого в мировой практике.

Первая публикация труда Форсколя на русском языке представляет собой перевод не только оригинала рукописи автора, но и специального издания, в котором трактат вписан в исторический контекст. Эта книга вышла в 2009 году в Швеции, она была подготовлена творческим коллективом, состоящим из известных экспертов в области медиаправа - Томаса фон Вегесака, Гуниллы Юнссон, Хелены Йедерблум, Гуннара Перссона и возглавляемым Дэвидом Голдбергом.

Настоящее издание, осуществляемое с разрешения правообладателей, подготовлено к печати в Центре права СМИ кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Обложкка: портрет Форсколя работы *П. Даллмана*
Фото: *Джулия Гилленадлер*
Перевод: *И. Новицкой и А. Рихтера*
Редактор: *Е. Самылкина*

© Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010
© Новицкая И., Рихтер А., перевод, 2010

Содержание

5 Предисловие
ДЭВИД ГОЛДБЕРГ

8 Пояснения к тексту
ГУНИЛЛА ЮНССОН

10 Мысли о гражданской свободе
ПЕТЕР ФОРССКОЛЬ

24 Зарисовка прошлого
ТОМАС ФОН ВЕГЕСАК

49 Биографические данные

Предисловие

Толчком к созданию этого издания послужила конференция «Свобода информации: на пути к открытости власти в новых демократиях», проведенная в Будапеште 5–7 мая 1992 года. Конференция была организована Томом Райли, канадским вдохновителем движения за право на доступ к информации и исполнительным секретарем Международного института свободы информации. Она проходила как раз в те дни, когда принимался венгерский закон «О защите данных и о доступе к сведениям, представляющим общественный интерес».

На этой конференции в своем докладе «Исторические основы права на информацию в Европе» я поднял вопрос о том, что стояло или, вернее, кто стоял за законом о свободе печати Швеции 1766 года. Чешский юрист и делегат конференции Карл Кодед, который тогда работал в компании «Энерготехника», подсказал мне, что для получения ответа на этот вопрос следует обратиться к основополагающим идеям Петера Форсколя, высказанным им в трактате «Мысли о гражданской свободе», который был напечатан в Стокгольме у Ларса Сальвиуса в ноябре 1759 года.

На мое письмо, наугад отправленное в Королевскую библиотеку в Стокгольм в надежде получить копию этого труда, был получен обстоятельный, всё проясняющий ответ от Гуниллы Юнссон (тогдашнего руководителя справочного

отдела библиотеки) вместе с фотокопией работы Форссколя, естественно, на языке оригинала, т. е. на шведском.

Я не сомневался, что текст данного памфлета должен существовать и в переводе на английский язык. Но поразительным было то, что ни одного опубликованного перевода на английский этого трактата не оказалось.

Такой перевод был предпринят в 90-е годы XX века Терезой Макгрейн-Лангвик (из Глазго и Ролвсёя) и Марией Линдстедт (из Лёа). Бабушка Марии, Агнесс Янссон (из Гаммельбу), тоже была вовлечена в эту работу и помогала тем, что объясняла определенные выражения XVIII века. Для перевода эта группа использовала фотокопию издания на шведском языке середины XVIII века, и ее усилия нельзя переоценить.

Когда я осознал, что предстоял 250-летний юбилей издания 1759 года, то собрал группу экспертов, чтобы подготовить новый перевод трактата. Эта группа состояла из Гуниллы Юнссон, Томаса фон Вегесака, Хелены Йедерблум и Гуннара Перссона. Дэвид Шоу (из Кантенбери) помогал с окончательным редактированием английского текста.

Следует подчеркнуть, что за основу для нашего перевода был взят не подвергшийся цензуре текст Форссколя. Группа работала над оригинальным манускриптом, обнаруженным Гуниллой Юнссон в Государственном архиве. Об основных различиях между исходной, не подвергшейся цензуре, версией текста и той, которая была напечатана в 1759 году, говорится в статье, публикуемой после текста трактата.

Наконец-то не знающие шведский язык читатели смогут ознакомиться с интеллектуальным контекстом того вклада,

который в 1766 году внесла Швеция в достижения современной цивилизации. Речь идет о праве на доступ к информации с целью воспитания «просвещенного общества». Причем это право было лишь частью далеко идущего замысла Форсскоря – поддержать взращивание и распространение знания в самом широком смысле этого слова.

Дэвид Голдберг,
Висбю и Нэс, июль 2009 г.

Перевод с английского на русский: Андрей Рихтер

Пояснения к тексту

ГУНИЛЛА ЮНССОН

Текст, который следует за этими пояснениями, является результатом нового скрупулезного прочтения оригинального манускрипта Петера Форссколя «Мысли о гражданской свободе» 1759 года без купюр и изменений, внесенных цензором Эльрейхом. Мы выбрали тактику точного воспроизведения текста рукописного оригинала, поскольку он просто-напросто лучше текста, подвергшегося цензуре и опубликованного в 1759 году. Во многих местах, где Форссколь четко выражает свое мнение, Эльрейх вынуждает его вводить в текст слова неопределенности: «возможно», «вероятно», и радикальные требования Форссколем свободы печати, которые фактически прекрасно отвечают тому смыслу, который мы вкладываем в это понятие сейчас, Эльрейх заменяет формулировками, которые ясно дают понять, что несут на себе следы цензуры (§ 7). Параграф восьмой оригинала с речью Форссколя в защиту важности свободы печати в вопросах религии полностью вычеркнут и отзыв о благодатных последствиях религиозной свободы в Пенсильвании в § 11 тоже исчез.

Рукопись Форссколя находится в Государственном архиве с пометкой: «Канцлерская коллегия[1], Поступившие

[1] Коллегии были в Швеции центральными государственными ведомствами. Наиболее важными из них являлись Канцлерская коллегия, Адмиралтейская, Военная, Камер- и Статсконторы, ведавшие финансами, Коммерц- и Берг-коллегии, ведавшие торговлей и гор-

документы, Серия EXII: 18, университетские дела 1706–1785 гг.».

Цензорские изменения внесены в текст манускрипта рукой самого Форсскоуля, но другими чернилами, нежели те, которыми написан манускрипт. Данное же Эльрейхом на последней странице разрешение на печать написано явно теми же чернилами, что и манускрипт, чтобы дать понять, что над цензурными изменениями текста цензор работал вместе с его автором.

Эта печатная версия 1759 года с той же цензорской правкой издавалась несколько раз на протяжении XX столетия, сначала у Торстена Стейнбюса в 1970 году под названием «Петер Форсскоуль и Мысли о гражданской свободе», потом в 1980 и 1984 годах, в последний раз с послесловием Тедди Бруниуса. Отдельные части оригинала рукописи издавались также в «Золотом яблоке», ч. 2, 1991 г. (2-ое издание было выпущено в 1995 г.), но на сей раз оригинал рукописи выходит из печати во всей своей целостности, причем не только на шведском языке, но и на английском.

Перевод со шведского языка на русский: Ирина Новицкая

ным делом, добычей полезных ископаемых. Деятельность коллегий регламентировалась и контролировалась риксродом и риксдагом. Канцлерская коллегия фактически была коллегией иностранных дел и управлялась канцлером, являвшимся главой правительства и именовавшимся президентом государственной канцелярии. Канцлерская коллегия называется по-шведски *kanslikollegium*, что можно перевести на русский язык и как Канцелярская коллегия. – *Прим. пер.*

Мысли о гражданской свободе

ПЕТЕР ФОРССКОЛЬ

§ 1

Чем больше возможности жить по собственному усмотрению есть у человека, тем более он *свободен*. Поэтому ничто, помимо жизни, не бывает для него более ценным, чем свобода. Никто, будучи в здравом уме и твердой памяти, не потеряет и не преуменьшит ее, если только не будет принужден к тому силой и боязнью еще бóльшего зла.

§ 2

Эта столь горячо любимая человеком привилегия не нуждается ни в малейшем ограничении там, где все возлюбили добродетель. Но мы часто бываем склонны к порокам и к несправедливости. Так что для нас надобно ставить границы, а свобода должна утратить ту свою составляющую, которая несет вред, чтобы нам осталось лишь одно – подчиняясь своим сокровенным желаниям, приносить пользу и другим, и себе, никому не нанося вреда.

§ 3

Когда *каждый* человек в обществе имеет на это разрешение[1], значит, в нем[2] существует подлинная *гражданская свобода*.

[1] Здесь подразумевается: имеет разрешение пользоваться свободой – *Прим. пер.*

[2] То есть в обществе – *Прим. пер.*

Это значит, что никому не возбраняется делать то, что прилично, нравственно и приносить всем пользу, что каждый честно получает возможность жить, следуя гласу совести, используя свои способности, чтобы вносить вклад в благополучие общества, в котором живет.

§ 4

Для этой *свободы* всегда могут представлять *наибóльшую опасность* самые могущественные люди в стране – своими должностями, своим положением или богатством. Они не только с легкостью злоупотребляют той властью, каковую имеют, но могут увеличивать и постоянно увеличивают свои права и свою силу, так что прочие жители должны дрожать перед ними всё больше и больше.

§ 5

Ибо не составляет всей свободы общества тот случай, когда подданные защищены от возможного насилия Регента. Это является лишь первым большим шагом ко всеобщему блаженству. Но подданные могут угнетать и угнетают друг друга. И во многих Республиках, таких как Польская и Итальянская, которые гордятся приятным названием свободных, – и в них тоже люди по бóльшей части являются рабами знати.

§ 6

Спросим кого-нибудь, *чье превосходство было бы бóльшим несчастьем для страны – Регента* или самих граждан? Раньше я считал, что последние – более несносны, а первый – более неисправим, и что поэтому следует бояться первого и трепе-

тать перед ним более всего. Потому что если не сбрасывать со счетов первого, то и вторых никогда нельзя будет сбросить со счетов. Именем Господ Самодержцев и с помощью их власти к управлению страной приходит много несправедливых подданных, недостойных милости своего господина, но уверенно ею пользующихся. От насилия могущественных Регентов труднее избавиться. Слишком далеко загнанная мысль о святости коронованных особ является, тем не менее, более чем сильной защитой даже особо несправедливых из них. Массы подданных представляют себе, что одному человеку, который так высоко вознесен над другими людьми и который так близок к Божественности, никогда не дозволяется слишком многое. Короли во времена варварства безнаказанно играют жизнью своих подданных, поскольку считаются святыми[3]. «Нон-джуреры»[4] в Англии жертвуют своей совестью, чтобы не хранить верность неверной королевской родне. И чтобы не ходить далеко за примером, можно упомянуть, что когда Швеция во времена войны Карла XII обнищала людьми, продовольствием и деньгами[5], все

---

[3] Королевская династия Инглингов вела свое происхождение от главного бога скандинавского пантеона – Одина – *Прим. пер.*

[4] «Нон-джурерами» или «неприсягавшими» епископами (non-jurors – «не давшие присяги») принято называть епископов англиканской церкви, сохранивших верность английскому королю Якову II Стюарту, отказавшихся в 1688 г. от присяги Вильгельму III Оранскому и отделившихся от государственной англиканской церкви. – *Прим. пер.*

[5] В Швеции времен Великодержавия и экономика, и население, на 90 % существовавшее за счет земледелия и скотоводства, жестоко

же этот жестокий Герой[6] воспринимался не как губитель, а как защитник своего отечества. Таким образом, подданные не всегда чувствуют несправедливость Регента, а если и чувствуют ее, то все же не могут с легкостью от нее избавиться. Одиноко Регенты стоят на страже своих привилегий, одиноко они царят во всяком деле.

В руках одного-единственного индивидуума сконцентрированы прибыль и мощь всей страны. Но когда *на одних подданных государства начинают давить другие,* тогда все замечают несправедливость этого действия, а когда в то же время многие из них злоупотребляют своей властью, тогда более сильная толпа народа с легкостью разбивает их распыляющиеся намерения и побеждает их рассеивающиеся силы. Поэтому к ее представителям переходит уважение общественности, но их собственная власть не гарантирует им достаточную безопасность.

эксплуатировались. Неурожаи и голод во второй половине 90-х гг. XVII в. и во время Великой северной войны (1700–1721), сама Великая северная война и эпидемия чумы в 1710–1711 гг. унесли в Швеции множество жизней. Страна обезлюдела, продовольствия не хватало, государственная казна была пуста. Один голландский путешественник так описывал в 1719 г. то страшное время: «Во всей Швеции все до единого молодые люди в возрасте 20–40 лет были солдатами. От жестокой войны пострадала почти вся молодежь в этой несчастной стране… Всё королевство разорено до крайности. Часто, приехав на постоялый двор, мы не находили ни людей, ни лошадей». – *Прим. пер.*

[6] См. Enväldets skadeliga påföljder. Stockh. 1757. («Вредные последствия самодержавия» – Стокгольм, 1757.) – *П.Ф.* (Здесь и далее инициалы *П.Ф.* означают, что примечание написано автором трактата Петером Форссколем).

Единственный выход для них заключается в том, чтобы скрывать ту несправедливость, которую они творят. Но ее нелегко скрыть, если каждый получает возможность высказаться в общественных публикациях о том, что́ совершается во вред общественному благу.

§ 7

Жизнь и сила гражданской свободы продолжает существовать ради ее же блага в *ограниченном Правительстве* и *неограниченной свободе публикаций;* но только устанавливается строгая ответственность за все написанное, что, без сомнений, будет признано неприличным и содержит кощунство против Бога, злые слова в адрес тех или иных людей и призывает следовать очевидным порокам.

§ 8

Божественные явления, разумные Основные законы и честь отдельных лиц не могут сколь-нибудь жестоко пострадать от такой свободы выражения мнения. Потому что правда побеждает всегда, даже когда ее с одинаковым успехом могут и оспаривать, и защищать.

§ 9

Наоборот, Свобода печатного слова развивает науки, поднимает их на высоту, выкорчевывает все вредные постановления, обуздывает несправедливость всех чиновников и является надежнейшей защитой Правительства в свободном государстве. Потому что она способствует любви всего народа к такому образу правления. В Англии редко услышишь сентенции против

хорошо продуманных основных законов. И все же единственное, что издавна помогает там против беспорядков, – это свободно высказываемое недовольство общественности. Напротив, внутри небезызвестного государства[7] мы имели и имеем важный пример того, что когда неравно поделенная свобода защищается с помощью ненависти и принуждения, то легко продвинуться к насилию и к совершению жеста отчаяния; ведь тот, кто имеет слишком мало, скорее потеряет все, нежели станет без зависти и мыслей о мести глядеть на слишком большую часть общественной и своей собственной свободы, выкраденную как себе подобными, так и некоторыми другими гражданами государства. Потому что тот, которому мало что терять, рискует своим достоянием с малым сожалением, когда он может заставить своего недруга и мучителя потерять многое. Это, наверное, не слишком похвально, но, тем не менее, важно. Свобода должна поэтому охраняться свободой. Принуждение и подавление недовольных вводит ее в крайнюю степень опасности, вне зависимости от того, имеют ли они повод для недовольства или нет. Поэтому мудрое Правительство дает народу возможность высказать свое недовольство с помощью ручек и бумаги, а не с помощью оружия, что, с одной стороны, проясняет ситуацию, а с другой – успокаивает и предотвращает шум и беспорядки.

§ 10

Ранее уже говорилось (§ 3), что гражданская свобода гарантирует каждому честному человеку возможность спокойно жить,

[7] Дания. – *П. Ф.*

16 следуя гласу своей совести, пользуясь своим имуществом и внося вклад в общественное благополучие. Каждый из этих вышеперечисленных моментов мне хотелось бы кратко пояснить. Закон обеспечивает нашей жизни подлинную надежность, когда предписывает, что никому не дозволяется безнаказанно учинять насилие над телом и здоровьем порядочного человека. Но следует также слушать обвинителя и выполнять решение судьи. Потому что общество не может существовать без судов, а судьи не всегда бывают беспристрастными[8]. Ненависть и необузданное рвение народа иногда бывают способными раздавить невиннейших граждан. Нет опасности бóльшей, чем эта, одновременно и для жизни, и для репутации; и она либо непреодолима, либо может все-таки предоставить человеку свободу попытаться публично защитить себя, суметь обуздать народный гнев и отвратить судью от его ухищрений. Если же это оказывается неосуществимым, то факт, что несправедливо осужденный получает, как в Англии, возможность растолковать своим землякам, что он умирает невинно, является справедливейшей компенсацией за наносимый ему ущерб.

§ 11

Совесть[9] довольно часто базируется на ошибочных мнениях. Которые никоим образом не должны выноситься на обсуждение, если они наверняка направлены на погибель общества и

[8] См. разные вышедшие в свет публикации о судебных процессах, судьях, а также одну справедливую публикацию о свободе и безопасности. – *П. Ф.*

[9] «Совесть» употребляется здесь в значении «вера», т. е. свобода совести, свобода различных вероисповеданий. – *Прим. пер.*

людей, как вероломные правила Иезуитов. Но по бóльшей части те люди, которые дефектной совести кажутся опасными, могут стать добропорядочными гражданами, если только общество будет хоть немного терпимым к их заблуждениям. Меннониты[10] избегают клятв, но можно так же спокойно полагаться на их «да» и «нет». Многие из них могут и не быть в состоянии поразить врага, но они собирают в складчину деньги на содержание солдат. Что таким образом религиозные различия могут существовать, не нарушая гражданского единства, показывает сверх меры счастливая и, благодаря свободе, быстро ставшая густонаселенной Пенсильвания. Во времена свободы ошибочные религии постепенно сдают свои позиции и ослабевают, тогда как, возмущенные преследованием, они с безрассудным рвением распространяются сильнее, чем лесной пожар. В конце концов, когда уже никто нигде не может существовать без заблуждений, становится маловажным, действительно ли они ошибочны, как в Англии, или только кажутся таковыми.

§ 12

Человек получает от общества имущество частично как член Государства, а частично как частное лицо. К первой категории относятся общие доходы и всё, что с их помощью при-

[10] Меннониты – последователи одного из течений в протестантизме, которое было основано в 30-е гг. XVI в. в Нидерландах и названо по имени его основателя Менно Симонса. Меннониты придерживаются в своем вероисповедании основных протестантских принципов, их отличительными особенностями являются требование сознательного крещения, запрет браков с инаковерующими, отказ от воинской службы и другие. – *Прим. пер.*

обретается, а также служба обществу. А к последней – то, чем каждый человек владеет. Обе категории должны охраняться законом от насилия и быть свободными от злоупотреблений. Каждый житель страны должен владеть бесплатной частью всеобщих тягот и преимуществ. Потому что общество – совместно, и таковой же должна быть свобода. Поэтому налоги страны не должны взиматься так, чтобы стать чрезмерно обременительными расходами для некоторых, но, в соответствии с собственным доходом, каждый гражданин должен внести вклад в общественное достояние. Надежда заступать *на общественные службы и почетные места* должна существовать всегда и для всех достойных её.

§ 13

Если бы *при поступлении на любую* общественную службу проводились полезные испытания соискателя, если бы испытуемые могли получить следующую, более высокую должность лишь в соответствии с их служебным стажем на месте прежних своих обязанностей; и если бы первый шаг надлежало сделать тому, кто, вдобавок, первым выказал свое умение, то тогда служебные места не доставались бы недостойным, тогда продвижению по службе способствовали бы не высокопоставленные родственники, не деньги и покровители, а собственные усердие и компетентность.

§ 14

Ни одно испытание не является более легким и надежным, нежели экзаменовка знания и умения им пользоваться, относящиеся к исполнению данных должностных обязанностей.

Таковые экзаменовки у нас обычно проводятся для священнослужителей, а в Китае – для всех должностных лиц. Но это не сложно – одобрить лучшего, если спрашивать всё, что хочется, и судить так, как хочется. Поэтому необходимо, чтобы для каждого должностного занятия были определены сумма знаний, перечень книг и инструкций по его выполнению, знанию которых и следует быть обязанным проведением публичного отчета.

§ 15

Дозволяется с легкостью использовать *собственное имущество* ради своей и общественной пользы. Но достояние всех родов не может столь же легко приобретаться кем угодно лишь для себя, но только ради общественного блага.

Никто не может работой или деньгами добыть себе там, где ему хочется, целую страну, хотя многие, к большому вреду для общества, имеют больше, нежели они заявляют. Законы, такие как Моисея у Евреев, об умеренных по площади наделах земли для каждой семьи или Лициния у Римлян о 500 югерах земли (257 и 1/7 туннландов[11]) поэтому отлично служат повышению качества ухода за землей и уравниванию жителей в их правах.

§ 16

Нет собственности бóльшей, нежели *силы* нашего *тела и души;* ничего поэтому нет справедливее, чем родиться в приличном месте, заниматься полезными искусствами и на-

[11] Туннланд – мера земельных угодий в Швеции, равная 4 936 кв. м. – *Прим. пер.*

уками. Возможность свободно кормиться плодами Земли и Хозяйства, Ремесла, торговли и художественной литературы должна, таким образом, быть доступна всем, а иначе массы будут вредить обществу.

§ 17

Из *Деревни* изгоняются полезные работники, когда законы не дозволяют им, каким бы счастьем ни была для них выдача в надел куска земли, пользоваться в селах и хуторах защитой иного порядка, нежели защита инвалидов и стариков, которая делает тех почти беспомощными. Потому что как только селяне захотят следовать такому естественному порыву, как порыв к свободе, и стать сами себе хозяевами, они вынуждены бежать в города, где им легко получить возможность жить по собственному усмотрению или спокойно служить. Но и там, в сельской местности, как это в обычаях Англии и Германии, каждый крестьянин также может быть господином в своей хижине, и многие работники остаются в краю своих отцов, приумножая свой род, овладевая полезными ремеслами, позволяя себе наниматься в помощь к другим земледельцам – и все это гораздо лучше, чем из-за выбора городской жизни оставаться неженатыми, расфуфыренными, ленивыми, чтобы обихаживать роскошь богачей, окружать кареты знати, убивать время во сне и распутстве и быть в тягость себе и своему отечеству.

§ 18

Возвышению и свободе *искусств* в особенности должны были бы служить публичные школы, где настолько быстро, насколько позволяют собственные способности и усердие,

можно было бы обучиться всевозможным наукам и ремеслам и столь же быстро стать признанным свободным мастером того дела, в котором разбираешься. Но численность таковых обучающихся должна определяться общественной потребностью и выгодой.

§ 19

Иными являются наши закрытые *Цеха, гильдии, союзы и корпорации,* иным является и оснащение учеников-подмастерьев, то есть все эти подлинные средства для обеспечения нехватки людей и излишней траты времени, для содержания лености, насилия, распутства и бедности[12].

[12] Начиная с первой половины XVIII в. в экономике Швеции большую роль стала играть промышленность. Правительство упорно насаждало мануфактуры, как крупные, так и мелкие, «рассеянные», особенно в текстильной промышленности, где широко использовалась работа на дому. Работа крестьян-рудокопов и углежогов совмещалась с сельским хозяйством, хотя нередко один вид работ вредил другому. Несмотря на то, что правительство всячески поощряло возведение новых заводов и строительство мануфактур, предоставляя им в пользование королевские земли и леса, выдавая денежные субсидии и даруя всевозможные привилегии, положение рабочих, условия их жизни и труда оставались по-прежнему тяжелыми. «Мануфактурные деньги» нередко оседали в карманах их хозяев – заводчиков и предпринимателей. Самих же рабочих ждал изнурительный труд и нещадная эксплуатация за малое вознаграждение. Они испытывали различные формы угнетения и внеэкономического принуждения, например, запрет увольнения по собственному желанию и пр., гибли при обвалах в старых шахтах, получали на своих рабочих местах увечья и травмы. Страна, «оскудевшая людьми» за время Великодержавия, не в состоя-

§ 20

Сами так называемые *свободные искусства* в Швеции не свободны. В других местах имеется больше оснований для такого названия. В Германии каждый получает возможность публично обучать других всем знаниям, которые сам приобрел. Поэтому следовало бы и (или) тут же воспрепятствовать тому, чтобы люди делали книжную премудрость главным делом своей жизни, и (или) затем не мешать им свободно питаться плодами невиннейшего ремесла.

§ 21

В конце концов, есть еще одно важное право в свободном обществе – *свободно способствовать всеобщему благу*. Если таковое станет реальностью, то о состоянии общества

нии была предоставить мануфактурам, заводским цехам и гильдиям мастеров, рабочим союзам и корпорациям достаточное количество рабочих рук, хотя и выписывала из-за границы искусных ремесленников. Да и само население страны не рвалось в мануфактуры. Общее число рабочих по отношению к совокупной численности населения всей страны не достигало и одного процента. Поэтому на производстве в качестве рабочей силы использовались не только ремесленники и крестьяне, но и солдаты, деклассированные элементы города, калеки и нищие, которые при любом удобном случае отлынивали от работы. Использовался также женский и детский труд. А для пополнения рабочей силой к мануфактурам приписывались детские дома, исправительные учреждения и женские тюрьмы. Все это не способствовало росту производительности труда, не поднимало престиж мануфактуры, проблемы которой вызывали оживленные дебаты в риксдаге и дали Форссколю право назвать их средствами «для содержания лености, насилия, распутства и бедности». – *Прим. пер.*

должно быть известно каждому его члену, и каждый сможет свободно высказать свое мнение по данному вопросу. Там, где этого недостает, свобода недостойна своего имени. Военные дела и некоторые международные переговоры нужно до поры до времени скрывать и не доводить до сведения многих, однако не до сведения многих законопослушных граждан, а до сведения врагов. Гораздо менее желательно убирать от взора жителей страны информацию о ее мирных делах и внутреннем благополучии. Иначе часто бывает, что лишь иностранцы, которые хотят навредить данной стране, разнюхивают все ее тайны через своих посланников или добывают сведения с помощью денег, а сам народ собственной страны, который должен был бы давать государству полезные советы, живет в неведении относительно бóльшей часть ее дел. И наоборот, когда вся страна в курсе своих важных дел, ее граждане внимательны ко всему, что приносит пользу или вред, и оповещают об этом всех там, где есть свобода печати. Тогда впервые, наконец, всеобщими совещаниями смогут управлять правда и любовь к отеч;еству, от общего блага которого зависят все блага отдельных людей.

Бог Всевышний, Который заботится о человеческом блаженстве, да преумножит Он нашу Шведскую Свободу и да сохранит ее на вечные времена!

Перевод со старошведского языка на русский: Ирина Новицкая

Зарисовка прошлого

ТОМАС ФОН ВЕГЕСАК

Когда Линней[13] собирался дать какому-нибудь растению официальное наименование в честь своего ученика Петера Форссколя, он выбрал крапиву жгучую и назвал ее Forskålea tenacissima[14]. Свой выбор он мотивировал тем, что тот сорт, который он посадил в своем саду, вырос из семян, присланных ему Форссколем из его экспедиции на Аравийский полуостров.

---

[13] Здесь имеется в виду Карл фон Линней, шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира, первый президент Шведской Академии наук (1739), иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1754), впервые последовательно применивший бинарную номенклатуру (1735) и построивший наиболее удачную классификацию растений и животных, описавший около 1500 видов растений, выступавший в защиту постоянства видов и креационизма, автор научных трудов «Система природы» (1735), «Философия ботаники» (1751) и др. – *Прим. пер.*

[14] *Forskålea tenacissima* означает *Форсколея крепчайшая* (или *наикрепчайшая*). В латинском языке наикрепчайшая – *tenacissima* – употребляется, например, в выражении memoria *tenacissima*, то есть хорошая, крепкая память. Поэтому название, данное растению Линнеем, многозначно. Во-первых, оно призвано оставить крепкую память о Форссколе. Во-вторых, является указанием на твердость характера Форссколя, на крепость его духовного стержня. В-третьих, значение «хороший», причем в превосходной степени, присущее слову *tenacissima*, указывает на то, что Форссколь был в сущности своей хорошим человеком. – *Прим. пер.*

Но и другая причина этого выбора тоже была. Линней писал, что подходить близко к крапиве жгучей столь же рискованно, как и ссориться с Форссколем, «на что явственно указывает его выступление в Упсале». Форссколь был очень одаренным учеником, чьи знания Линней умел использовать. Но как личность он был упрям и раздражителен. Эти качества предопределили беспокойную жизнь Форссколя.

Когда размышляешь о его короткой жизни (1732–1763), всегда чувствуешь знаменательность того, что за это время он успел сделать так много. Сначала думали, что он станет священником. Его отец, Юхан Форссколь, был пастором в собрании финских прихожан в Стокгольме, но вернулся на родину в Финляндию за несколько лет до рождения Петера.

Петер Форссколь провел детство в Хельсингфорсе[15]. У него были два брата, Юнас и Юхан Кристиан, и одна сестра, Юханна Катарина. Домом управляла его мачеха. Мать Петера умерла, когда ему было три года. Но всё указывает на то, что детство его было счастливым.

Петер Форссколь был зачислен в Упсальский университет уже в 10 лет. Такой возраст для поступления в высшее учебное заведение не являлся в те времена неожиданностью. Свыше тридцати процентов студентов при поступлении в высшие учебные заведения имели не более пятнадцати лет. Однако первое посещение Форссколем Упсалы было кратковременным. Он приехал туда вновь лишь весной 1751 года. Тогда ему исполнилось 18 лет. Он изучал теологию, но его рано потянуло в окружение Линнея. Учеба оплачивалась из

[15] Хельсингфорсом шведоговорящие финны называют город Хельсинки. – *Прим. пер.*

денег стипендии, которая была рассчитана на пять лет учебы в университете на родине и на два года пребывания в учебном заведении за границей.

В то время не существовало таких строгих границ между различными дисциплинами, как сейчас. Лишь столетие спустя знание впервые разделилось на подотделы, которые тщательно охранялись своими представителями. Комбинация теологии и ботаники прекрасно подошла к направленности интересов Форсколя. Один из его учителей, Улоф Цельсий[16], создал себе имя как издатель Свода Священной Ботаники под названием Hierobotanicon, являвшегося справочником по библейской флоре. Когда Форсколь отправился на Аравийский полуостров, изучение растений, упомянутых в Библии, стало одной из его важнейших задач. Он посвятил также часть времени изучению арабского и древнееврейского языков.

Форсколь находился в Упсале лишь два полных года из пяти оговоренных в условиях учебы лет. Уже осенью 1753 года он поступил в университет[17] в городе Гёттингене. Гёт-

---

[16] Улоф Цельсий (1670–1756) – философ, ботаник и теолог, с 1703 г. профессор Упсальского университета, внесший важный вклад в ботанику и в изучение древнескандинавских рун, родной дядя Андерса Цельсия (1701–1744), астронома и физика, предложившего в 1742 г. введение температурной шкалы, названной шкалой Цельсия. – *Прим. пер.*

[17] Гёттингенский университет им. Георга Августа был основан в 1737 г. Георгом Августом был назван Георг II Ганноверский (1683–1760), король Великобритании и Ирландии (1727—1760), курфюрст Ганновера и герцог Брауншвейг-Люнебургский (1727—1760), сын Георга I, первого короля из Ганноверской династии. Георг Август ока-

тинген находился в монархическом государстве Ганновер[18], которое после 1714 года, благодаря личной унии, оказалось тесно связанным с Великобританией. Университет был основан в 1737 году, и британская культура наложила на него заметный отпечаток.

В Гёттингене Форсколь изучал также и теологию, но учебные занятия были более направлены на философию. Это не означало, что он забросил естествознание. Он переписывался с Линнеем и обеспечивал его теми семенами, о которых тот просил. Помимо этого он собрал нескольких своих товарищей по университету, чтобы изучать местных насекомых. «В свободное время и при хорошей погоде я пытался составить из них коллекцию и отыскал троих товарищей, которые тоже начали находить в этом удовольствие», – пишет он в письме домой. Рисунок в сохранившемся альбоме Форсколя запечатлел его в момент погони за бабочками.

зался последним монархом Британии, родившимся за ее пределами. Он был последним британским монархом, который лично вёл свои войска в бой (во время войны за австрийское наследство в 1743 г.). В качестве курфюрста Ганновера Георг основал Гёттингенский университет, который с тех пор носит его имя. – *Прим. пер.*

[18] Ганновер – герцогство в средневековой Германии, существовавшее с 1235 г. под названием Брауншвейг-Люнебург, ставшее с 1692 г. курфюршеством, а после 1814–1815 гг. – королевством. В 1714–1837 гг. Ганновер находился в личной унии с Англией, в 1866–1945 гг. стал провинцией Пруссии, а с 1946 г. – частью земли Нижняя Саксония (Западная Германия, с 1949 г. – ФРГ). Ганновером называется также административный центр земли Нижняя Саксония, известный с XII в., получивший статус города с 1241 г. и являвшийся до 1866 г. столицей государства Ганновер. – *Прим. пер.*

И все же основным занятием Форсколя была философия. В июне 1756 года он защитил диссертацию «Dubia de principiis philosophiae recentioris» («Tvivelsmål rörande den nyare filosofins grundsatser»)[19]. Во введении к диссертации он пишет: «Я, в соответствии со здравыми советами моего отца, привык так обставлять свои научные занятия, чтобы, насколько возможно, пытаться всё опровергать и записывать все основания этих опровержений, которые я мог отыскать. Последствие было таково, что я, прежде всего, искал моменты, вызывающие сомнения, которые в процессе работы сами собой рассеивались». Учителям Форсколя импонировала его основательность, но они считали, что он заходит слишком далеко в своей позиции сомневающегося исследователя. Тот факт, что Форсколь считал свою диссертацию важной, следует из того, что он издал ее в Копенгагене в 1760 году и снабдил ее вновь написанным предисловием.

Одним из образцов, которым Форсколь следовал в своей диссертации, было творчество шотландского философа Дэвида Хьюма, имя которого он также называет в своей научной работе. Труды этого философа Форсколь читал, вероятно, в переводе на немецкий язык.

К тому, что объединяло Форсколя и Хьюма, принадлежало их практическое отношение к философии. Оба не одобряли, что деятели науки уходят с головой в свои теории. «Науки монополизированы поглощенными собственными размышлениями учеными, – пишет Хьюм, – которые никог-

---

[19] «Сомнения по поводу основ новой философии». – *Прим. пер.*

да не проверяли опытным путем свои аргументы, не пытались проверить их практикой, а опирались в них на повседневные впечатления и разговоры»[20].

Форссколь чувствовал себя хорошо в свободном научном климате Гёттингена, который значительно отличался от атмосферы Упсальского университета. Форссколю было ясно, что в основе этого различия лежала нехватка свободы у себя на родине. В одном из писем домой он делает критический выпад против Монтескье и его учения о климате: «Будь только у нас в Швеции свобода думать и писать, какую имеют в Англии и Германии, наверняка бы оказалось, что холодный климат не вреден для ума и разума человека».

Когда Форссколь поздней осенью 1756 года вернулся домой, его встретила та же атмосфера замкнутости и изолированности. Стипендия закончилась, и, чтобы заработать на жизнь, он вынужден был поступить на работу домашним учителем 13-летнего графа Юхана Густава Горна. Ради нужд преподавания Форссколь начал изучать химию и заинтересовался земледелием.

Несмотря на свои успехи в области философии – он был избран даже в члены академии наук, основанной в Гёттингене[21] по примеру Королевского общества в Лондоне – Форссколь не был теоретиком.

---

[20] David Hume: On Essay Writing (1741) – *Т. ф. В.* (Здесь и далее инициалы *Т. ф. В.* означают, что сноска дана автором комментария Томасом фон Вегесаком).

[21] Гёттингенская академия наук была основана в 1751 году. В состав академии входили главным образом преподаватели Гёттингенского университета – *Прим. пер.*

Когда некий землевладелец принялся отстаивать в журнале свою точку зрения, будто путем селекции можно изменить одну породу злаков на другую и посев овса при определенных обстоятельствах может дать урожай ржи, Форссколь написал не менее шести выступлений в газете, чтобы показать всю нелепость этого утверждения. В качестве доказательства он даже сделал пробный посев злаков.

В письме к своему учителю и другу из Гёттингена, профессору Й. Д. Михаэлису Форссколь сообщает, что с бóльшей охотой изучал бы экономику, «свободную и полезную науку, которой везде можно найти применение». Однако его попытка занять недавно учрежденную должность адъюнкта экономики не увенчалась успехом. Профессор в этой области, Андерс Берх, не счел квалификацию Форссколя достаточной для получения данной должности. В своей характеристике Берх пишет, что в сущности Форссколь больше интересуется ботаникой. Когда Берх и Линней читали в университете лекции в одно и то же время, Форссколь выбирал Линнея. Но Линней тоже, казалось, не смог ему помочь.

В апреле 1759 года Форссколь ходатайствовал о разрешении ему защитить диссертацию по экономике «De pratis comserendis» («Om ängsodling»)[22]. Но его прошение не было удовлетворено, и Форссколь решил оставить экономику. Он снова был готов перейти к новому предмету, на этот раз его привлекло правоведение. В мае 1759 года на философском факультете была заявлена диссертация Форссколя «De Libertate civili»[23]. Диссертация была написана и на шведском,

[22] «О возделывании луговой земли» – *Прим. пер.*

[23] «Гражданская свобода» – *Прим. пер.*

и на латинском языках, что нарушало существовавшую тогда традицию[24].

В его прежней диссертации об основополагающих принципах философии имелся важный отрывок, касавшийся вопроса о происхождении прав человека. Для Форсскольда независимость каждого индивида означала право на гарантированное получение своих личных прав.

Несмотря на всю «теоретичность» его рассуждения, оно было насыщено чувством. Форсскольд слегка коснулся вопроса о привилегиях, являвшегося одной из важнейших тем, по поводу которых шли жаркие бои в период шведской истории, названный «эрой свобод»[25]. Когда Швеция после смерти Карла XII работала над формулировками своей новой Конституции[26], потомственное дворянство получило возоб-

---

[24] В те времена все диссертации писались только на латыни, а не на языке своего народа. – *Прим. пер.*

[25] «Эрой свобод» назван период в истории Швеции с 1718 по 1772 год, когда королевская власть была слаба, реальная власть находилась в руках риксдага и риксрода и велись постоянные партийные битвы. – *Прим. пер.*

[26] Карл XII погиб в ночь на 30 ноября 1718 г. близ норвежской крепости Фредрикстен, а 21 февраля 1719 г. была принята конституция («форма правления»), ограничивавшая в пользу риксдага и государственного совета (риксрода) власть королевы Ульрики Элеоноры, младшей сестры Карла XII, кандидатуру которой поддержали Королевский совет во главе с канцлером Арвидом Горном и армейские круги. Правда, тот же Горн, сыгравший большую роль в ограничении королевской власти в Швеции и в лишении ее наследственных прав на королевский престол, убедил затем Ульрику Элеонору подписать акт отречения от престола по праву наследства

новление своих прежних привилегий. Три других сословия выразили свой протест в риксдаге. Но данный вопрос будет актуальным в течение всей так называемой «эры свобод». Лишь в 1770 году на обсуждение риксдага выносится предложение о создании хартии для так называемых аллодных[27] сословий, то есть для трех нефрельсовых сословий[28].

Привилегии для одних означают уменьшение прав других. Они не дают хода тем идеям о правах человека, которые стали пробуждаться в конце XVIII века. «Каждый житель страны должен владеть бесплатной частью всеобщих тягот и преимуществ», – пишет Форссколь, и это требование обеспечения прав человека красной нитью проходит через весь его текст, даже если он и не говорит об этом прямо[29].

и получить корону в силу своего избрания на престол риксдагом в январе 1719 г. – *Прим. пер.*

[27] Аллодом у германских племен и в раннефеодальных государствах Европы называлась свободно отчуждаемая индивидуально-семейная земельная собственность. С развитием феодальных отношений большая часть мелких аллодов превратилась в зависимые крестьянские держания, в то время как аллоды крупных и средних землевладельцев стали бенефициями и феодами. Аллодными сословиями во времена Форссколя назывались сословия землевладельцев недворянского происхождения. – *Прим. пер.*

[28] Нефрельсовыми сословиями, то есть сословиями, не освобожденными от податей, назывались в то время сословия недворянского происхождения. – *Прим. пер.*

[29] Первым шведским текстом, в котором появилось выражение «права человека», была статья в журнале «Постен» от 13 декабря 1769 года – *Т. ф. В.* «Posten» («Постен») означает «Почта». – *Прим. пер.*

И в этот раз тоже Форссколь получил отказ факультета на свое прошение о публикации диссертации. Форссколь не удовольствовался таким ответом и обратился к руководству государства через его орган, Канцлерскую коллегию, но и там тоже отклонили его просьбу.

Тогда Форссколь принял решение, свидетельствующее о присущей ему в немалой степени гражданской смелости. Он решил игнорировать академически образованную публику и обратиться к читающей общественности. Но прежде чем книгопечатник мог взяться за выполнение своего задания, государственный цензор-либрорум[30] Нильс Эльрейх должен был дать на это свое разрешение.

Форссколь ясно сознавал, что цензор подчинялся Канцлерской коллегии и потому вряд ли можно было ожидать от него иного мнения, чем то, что уже высказала коллегия. Но он знал также, что положение коллегии было не особенно прочным, и что она должна была подчиняться тому мнению, которое выражали сословия. В своем деловом письме в Канцлерскую коллегию Форссколь имел дерзновение сослаться на зависимость коллегии от риксдага. Он пишет, что убежден в том, что «в свободной стране тоже отсутствует, *и не только в промежутках между собраниями риксдага* [выделено курсивом мною], ощутимая частица свободы, а именно: разрешение говорить и писать о недостатках и достоинствах страны».

Чтобы получить разрешение на печать, Форссколь был вынужден принять ряд изменений и цензорских купюр. Они затрагивали наиболее радикальные требования автора

---

[30] *Censor Librorum* (лат.) – книжный цензор. – *Прим. пер.*

относительно свободы печати и актуальной политической ситуации, на которую он намекал. Во многих случаях это означало, что первоначальные формулировки Форссколя были смягчены или стали расплывчатыми и непонятными. Например, в той части рукописи, которая содержала критику системы гильдий и цехов.

И все же согласие цензора дать Форссколю разрешение на печать может показаться неожиданным. Чтобы лучше понять ситуацию, следует сказать несколько слов о положении свободы печати в тот период шведской истории, который получил название «эры свобод»[31].

Подходящей исходной точкой является встреча в Канцлерской коллегии в январе 1722 года, вскоре после которой была принята новая конституция. В ней утверждалось, что цензор, как и прежде, должен прочитывать все материалы, предназначенные для печати в своем государстве, «и если он не находит в них ничего неприличного и непристойного», давать свое письменное разрешение на их публикацию, но сие должно случаться не раньше, «чем он оповестит обо всем Канцлерскую коллегию и получит на то ее согласие».

Такая формулировка знаменательна тем, что открывает двери конкуренции между двумя субъектами власти. Формально новый порядок в Канцлерской коллегии не заключал в себе никакого изменения тех правил, которые регламентировали

[31] См. сноску 25. Здесь можно лишь добавить, что «эра свобод» закончилась в Швеции в 1772 г., когда король Густав III совершил бескровный государственный переворот и взял власть в стране в свои руки, после чего начался новый период самодержавного правления – *Прим. пер.*

деятельность цензуры в течение прошедшего периода единовластия. Но если раньше наблюдение за этим порядком было строгим, то сейчас оно велось так, что давало больше свободы отдельным выносящим решения органам государства.

В январе 1722 года началась дискуссия о свободе печати, поводом для которой послужило прошение Эммануэля Сведенборга[32] – в то время асессора[33] Горной коллегии (Берг-коллегии) – на разрешение публикации работы об экономическом кризисе, который затронул страну после долгой войны. Сведенборг получил свое разрешение, но тогда он захотел еще бóльшего – получить разрешение напечатать в издававшейся тогда газете «Стокхольмске пост-тидендер»[34] призыв к общественности высказать свое мнение по поводу его текста. Это желание вызвало оживленные дебаты, в которых участвовал как действовавший в то время цензор Юхан Русенадлер, так и его предшественник Юхан Браунер, который отправлял службу в каролинское время[35]. Пока

---

[32] Эммануэль Сведенборг (1688–1772) – шведский философ-визионер. В 1729–1745 гг. создал теософское учение о характерных особенностях существования потустороннего мира, о населяющих его бесплотных духах, об их поведении и возможностях. – *Прим. пер.*

[33] В Европе и в России XVIII в. асессор – должность в центральных государственных учреждениях. – *Прим. пер.*

[34] *Stockholmske Post-Tidender* – стокгольмская почтовая газета. – *Прим. пер.*

[35] Каролинским временем называется период каролинского единовластия (1680–1718), то есть время самодержавного правления в Швеции двух Карлов: короля-отца Карла XI и короля-сына Карла XII. – *Прим. пер.*

Браунер с силой выдвигал аргументы против того, чтобы «отдельные индивиды получили право высказывать свои взгляды на проблему, имеющую такое большое общественное значение», Русенадлер защищал мнение о том, что важно услышать общественность, особенно в делах, касающихся всех – «от нищих до богачей». Путем общественных дебатов проблему легче будет разрешить на последующем заседании риксдага, полагал он.

На сей раз Сведенборг не получил разрешения цензора, но дискуссия показала, что мысль об увеличении свободы слова имеет сильных сторонников. Сам придворный канцлер Карл Гюлленборг, ставший одним из главнейших государственных деятелей «эры свобод», поддержал Русенадлера. «Я разделяю Ваше мнение, – объявил он. – «В свободном государстве никого не следует лишать права публично обмениваться мнениями о вещах, которые касаются всех, тем более что правда, вследствие этого, выходит наружу и все получают лучшее разъяснение сути дела». И он ссылался на Англию, о свободе которой узнал, находясь в ней ранее в качестве дипломата.

Предварительная цензура оставалась в неприкосновенности на протяжении почти всей «эры свобод», но вопрос о введении в стране свободы печати был все это время актуален. Датский писатель Людвиг Хольберг[36] рассказывает

[36] Людвиг Хольберг (1684–1754), датский драматург, историк, философ, являлся крупным деятелем скандинавского Просвещения. Известны его комедии «Йенне с горы» (1722), «Эрасмус Монтанус» (1723), ироикомическая поэма «Педер Порс» (1719–1720), сатира «Подземное странствие Николая Клима» (1741), а также басни. – *Прим. пер.*

в своей эпистоле[37] 1749 года, как один шведский господин, посетивший Копенгаген, говорил о том, что Швеция подумывает о введении свободы печати, подобно Англии и Голландии, но сторонники этого акта пока еще находятся в меньшинстве.

Предварительная цензура выполнялась либерально Русенадлером и его ближайшим преемником Густавом Бенценшерной. Но с приходом третьего цензора данного периода ситуация изменилась. В отличие от своих предшественников, Эльрейх был глубоко вовлечен в политические битвы того времени. Несколькими годами ранее он издавал журнал, который, скорее всего, можно рассматривать как рупор одной из двух партий той поры. Когда оппозиция тоже захотела издавать свою газету, он использовал свое положение цензора, чтобы запретить ее издание.

Эльрейх не хотел упразднять предварительный просмотр рукописей. Вместо этого он аргументировано выступал в своем журнале за усиление власти цензора. Но вместо того, чтобы подчиняться Канцлерской коллегии, он хотел иметь в качестве патрона риксдаг. Тем самым он получил бы неограниченное право принимать самостоятельные решения, по крайней мере, в период между созывами риксдага.

Именно эта глубоко вовлеченная в политику личность и дала Форссколю разрешение на публикацию его трактата. Форссколь прекрасно понимал, что распространение его

[37] Эпистолой во времена, о которых идет речь, называлось нравоучительное стихотворение в виде письма, послания кому-либо. Собственно говоря, слово «эпистола» и означает «письмо». – *Прим. пер.*

книги скоро будет приостановлено, Поэтому, когда книга была напечатана, он сразу же забрал весь тираж в 500 экземпляров у книгопечатника Ларса Сальвиуса и поспешно стал распространять ее среди своих друзей.

Интересный вопрос – насколько сильно был втянут в дело издания трактата сам Сальвиус? В своей книге, изданной им несколькими годами ранее, он выказывает заинтересованность теми же проблемами, к которым обращается и Форссколь. Оба они считались принадлежащими к группе радикального обновления – выходцев из финской части государства. Имеются исследователи, заявляющие, что финский вклад в шведское Просвещение имел то же значение, что и шотландский – в англосаксонское.

Уже в тот же день, когда «*Мысли о гражданской свободе*» были напечатаны, Канцлерская коллегия созвала собрание, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Вызвали Сальвиуса, чтобы он доложил обо всем, что случилось. Тот показал рукопись, одобренную Эльрейхом, и рассказал, что писатель сам забрал весь тираж.

Следующая персона, которую заслушивали, был Эльрейх. Тот дерзко заявил, что не имел ни малейшего понятия о том, что книга окажется идентичной рукописному тексту запрещенной диссертации и что Форссколь мог иметь такую наглость – отдать ему на прочтение запрещенный текст.

Настала очередь Форссколя. Он заявил, что с помощью цензора убрал из рукописи все политически окрашенные места и что книга после этого стала восприниматься как совершенно иной текст, нежели тот, диссертационный, который был раскритикован ранее.

Канцлерская коллегия решила удовольствоваться лишь предостережением писателю, но не отдавать приказ о конфискации всех экземпляров его книги. Единственное критическое высказывание в адрес писателя заключалось в том, что он принял в Дании звание профессора, не получив предварительно разрешения коллегии. Тот факт, что с Форсколем обошлись так мягко, зависел, без сомнения, от того, что его между тем выбрали для участия в датской экспедиции на Аравийский полуостров. В протоколе коллегии было написано, что «не слишком-то желательно подавлять ту живость и остроту ума, которые у него могут быть» и что следует принять во внимание «его приглашение на службу Королю Дании».

Запрет на книгу был впервые обнародован лишь в феврале, то есть год спустя после ее публикации, но изъятие книг последовало тотчас же. Осуществлять конфискацию поручили ректору университета Линнею. Вызванный к нему Форсколь рассказал, что 49 экземпляров книги раздал, а 53 экземпляра передал в городской книжный магазин на продажу. Линней позволил провести в доме Форсколя обыск, но не нашел там никаких других экземпляров книги. В своем письме в коллегию он пишет, что множество экземпляров, по всей вероятности, было разослано повсюду почтой, а также интересуется тем, что теперь делать для того, чтобы добиться их возвращения.

Из 500 печатных экземпляров *«Мыслей о гражданской свободе»* лишь 79 были конфискованы и уничтожены. А прочие циркулировали в кругу заинтересованных лиц, известно также, что с них было сделано множество рукописных ко-

пий. Так что запретом на эту книгу власти добились лишь того, что сделали ее более желанной для многих.

С цензором Эльрейхом не посчитались. Коллегия приняла решение уволить его со службы. Однако поддерживающее его меньшинство хотело обратиться в суд. Эти люди считали, что сие противоречит форме правления государства – смещать с поста крупное должностное лицо без законного суда и следствия. Эльрейх сделал выбор оставить город и уехать к себе в село. Андерс Вильде, бывший ассистентом Эльрейха, принял на себя его цензорские обязанности. А потом пришла осень, и открылся риксдаг. Эльрейх вернулся из деревни и послал в коллегию лакея – предупредить ее, что он вновь берет на себя свои цензорские обязанности. За сим последовал период, когда и Эльрейх, и Вильде оба выступали в роли цензоров и одновременно бомбардировали риксдаг жалобами по поводу конкуренции.

Никаких решительных изменений в вопросе будущего цензуры в период текущего риксдага не наметилось. Новый цензор, Магнус фон Цельсе, был назначен на должность, но так и не заступил на нее. Вопрос о том, как и кто все-таки будет заниматься цензурой, остался открытым.

Эта неопределенность с цензурой решительно привела к тому, что когда в 1766 году риксдаг собрался вновь на свои заседания, он решил упразднить должность цензора. Контроль за книжным рынком затруднялся неясностью принимаемых решений, трудностью их понимания. В то время имелись другие, лучшие методы проверки рукописей, нежели их предварительный просмотр.

Уникальность закона 1766 года о свободе печати заключа-

лась, в первую очередь, не в упразднении должности цензора. Такая же история уже случилась в Англии в 1695 году. В отличие от всех прежних законов, этот представлял собой не подсчет препятствий, которые писатель должен был принимать во внимание на пути к публикации своей рукописи, нет, он возводил защитную стену, ограждавшую его от удовольствия властей возводить на его пути все новые преграды и препятствия. Наиболее важный раздел закона, оказавшийся также и самым большим по объему, посвящен свободе доступа к официальной информации, то есть праву гражданина получать, среди прочего, решения суда и протоколы заседаний риксрода и риксдага.

Лишь два пункта нового закона имели серьезные недостатки. Когда речь шла о публикации произведений теологического характера, цензура сохранялась. И свобода слова никак не защищалась. В этом отношении в США пошли еще дальше, когда в 1791 году приняли знаменитую Первую поправку к конституции.

И только через несколько месяцев после издания закона о свободе печати Его Королевское Величество[38] позволи-

[38] Этим королевским величеством был король Адольф Фредрик (1751–1771), родственник русской императрицы Елизаветы Петровны, именовавшийся ранее Адольфом Фридрихом Голштейн-Готторпским, князем-епископом Любекским и являвшийся дядей выбранного Елизаветой наследника российского престола Петера Ульриха Голштейн-Готторпского, будущего императора Петра III Федоровича. Адольф Фредрик получил в Швеции трон после смерти бездетного короля Фредрика I (Фридриха I Гессенского), мужа третьей шведской правящей королевы Ульрики Элеоноры, младшей сестры Карла XII, которая отреклась от трона в пользу своего мужа. – *Прим. пер.*

ло себе опубликовать предостережение гражданам, чтобы «в бóльших или мéньших сообществах путем посева подозрений и нагромождения лжи не производить шум, раздор и вредные разногласия между жителями государства». С этой целью королевский акт призывал граждан за вознаграждение в 2 000 далеров[39] серебром указывать на тех, кто стал виновным в преступных речах.

Я процитировал этот акт от 2 марта 1767 года, чтобы показать, что вряд ли существовало сколь-нибудь сильное убеждение в важности свободы слова, которое бы продиктовало шведскому риксдагу данное решение. Закон о свободе печати был наверняка скорее результатом существовавших политических разногласий, чем глубоко обоснованным убеждением.

Но это не помешало тому, чтобы он приобрел огромное значение. Между 1767 и 1772 годами, когда Густав III отнял власть у риксдага, вышло не менее 80 периодических изданий и почти две тысячи изданий политического характера. В течение одного только 1769 года вышло в свет не менее 138 экономических памфлетов. И это было именно то время, когда Швеция получила две свои первые ежедневные газеты[40]. И едва ли оставался хоть какой-то

---

[39] Далер – старая шведская серебряная или медная монета. – *Прим. пер.*

[40] Здесь, по всей вероятности, имеются в виду газета «Даглигт аллеханда» («Dagligt Allehanda» – «Ежедневная всякая всячина), издававшаяся семейством Момма с 1769 г., и ежедневная газета Карла Кристофера Гьёрвелля «Альмэнна тиднингар» («Almänna Tidningar» – «Всеобщая газета»), появившаяся в 1770 г. – *Прим. пер.*

политический вопрос, который в то время не был бы освещен в прессе.

Шестидесятые годы XVIII века оказались в шведской истории десятилетием потрясений. У шведских исследователей этот период часто получал и получает низкую оценку. В то же время английский историк Майкл Робертс (1908-1997) говорит об уникальном эксперименте в области парламентаризма и сравнивает то время с кануном революции во французской истории.

Форссколь наверняка был осведомлен о том, какие политические силы были приведены в действие. В одной из своих «защищающих» публикаций он заявляет, что целью свободной дискуссии было воспрепятствовать замене «несносного господства» на «непоправимое единовластие». Та форма правления, которая была принята после смерти Карла XII, стремилась к разделению власти. Но с течением времени все больше власти стало концентрироваться в риксдаге и его центральном органе – Секретном комитете, где были представлены лишь три из четырех сословий. В 60-х годах XVIII века политические силы трудились над тем, чтобы восстановить парламентаризм 1720 года в том состоянии, каковое предписывал основной закон. Приходилось противодействовать как дворянству с его привилегиями и властью, так и роялистам, которые хотели вернуть королю его прежние властные полномочия. И эта последняя группировка должна была выйти победительницей в сражении.

Форссколь знал, как он рискует, публикуя эту свою работу. Один из профессоров в Упсале, Юхан Ихре, был осужден на лишение годового профессорского жалования за то, что

допустил к защите ряд диссертаций явно политического характера на латинском языке. Темой одной из диссертаций было гражданское правительство. И в этот раз тоже Сальвиус попытался издать данную работу на шведском языке, но был остановлен. Цензор одобрил публикацию, но вмешался совет и запретил публиковать книгу. С тех пор прошло десять лет, и Форссколь имел основание думать, что в обществе укрепилось право на свободное формирования своего мнения.

Реформы, которые хотел провести Форссколь, отнюдь не были малозначимыми. Он требовал получения права на обжалование сомнительных решений суда. Он хотел иметь более справедливое налогообложение. Монопольное право дворянства на получение более высоких должностей должно было быть отменено, система цехов реформирована и учреждены школы для детей всех сословий. И еще он хотел увеличения свободы слова и гласности. Всё, что относится к «внутреннему благополучию» жителя страны, не должно «укрыться от его глаз».

Это был внушительный список прав человека, заключавший в себе почти все права, которые тридцать лет спустя окажутся во французской Декларации прав человека и гражданина. Единственное право из этой французской декларации, которого не было у Форссколя, – это право индивида на свободный выбор религиозного мировоззрения и на свободу его исповедания. К числу того, что цензор вынудил Форссколя вычеркнуть из его работы, был параграф, где тот заявлял, что «божественным явлениям» не может быть нанесен ущерб, даже если они подвергаются сомнению. С по-

литическим единовластием в Швеции было покончено, а с религиозным – нет.

Наиболее вызывающее высказывание в «Мыслях о гражданской свободе» находится в параграфе девятом (в восьмом параграфе печатной версии), где Форссколь заявляет, что единственной альтернативой насилию может быть свобода печати. «Мудрое Правительство дает народу возможность высказать свое недовольство с помощью ручек и бумаги, а не с помощью оружия», – написано там. В письме в свою защиту, посланном королю, он высказывается еще яснее: «Это понятно, Ваше Королевское Величество, что в нашей стране есть недовольные. На то, что в Швеции они имеются отнюдь не в ничтожно малом количестве, указывают столь часто подготавливаемые и начинающиеся здесь мятежи. И столь же известно, что существуют лишь два пути предотвращения вредных последствий недовольства, один полит чернилами, другой – кровью. Если недовольные получат возможность высказаться, то их можно будет опровергнуть, информировать и превратить в просвещенную публику. Те, кто теряют причины для недовольства, теряют и само недовольство, а также желание восставать. Но если это средство уступок отмести в сторону, тогда правительству не остается ничего иного, как ответить на насилие силой, однако утрата многих жизней, по всей вероятности, не истребляет, а лишь скрывает, а иногда даже усиливает недовольство, которое при случае вновь может подать голос».

А еще Форссколь делает дополнение, которое, должно быть, звучит очень вызывающе. Он пишет: «В Швеции этот жесткий путь потому может быть еще менее надежным, что бóльшая

часть милиции[41] содержится не правительством, а питается крестьянским хлебом и образом мыслей».

Как оказалось, Форссколь не слишком-то правильно оценивал ситуацию в стране. Здесь не было необходимости в каких-то «жестких путях», чтобы задержать развитие страны по пути парламентаризма и народовластия, по которому Швеция шла в течение всей «эры свобод». Густаву III не пришлось прибегать к насилию, когда он в 1772 году вернул стране сильную королевскую власть[42].

Вера Форссколя в силу свободного слова казалась наивной и чуждой действительности. Она шла вразрез с мнением других деятелей Просвещения. Вольтер обладал, по-видимому, более реалистичным восприятием действительности, когда утверждал, что именно меч, а не слово, определяет развитие государства.

Вольтер, конечно же, был прав, давая прогноз на короткий срок. Но не на длительную перспективу. Развитие общества и свобода слова тесно связаны и влияют друг на друга. Но это требует времени.

---

[41] Милицией в Швеции называлось народное ополчение. – *Прим. пер.*

[42] Совершив бескровный государственный переворот, Густав III, однако, не решился на полное восстановление абсолютизма. Номинально Швеция осталась конституционной монархией, но с сильной королевской властью. Законодательную власть король делил с риксдагом, хотя текущее законодательство в экономической и административной областях входило в его единоличную компетенцию, а риксрод снова, как в конце XVII в. стал лишь совещательным органом. – *Прим. пер.*

Возможно, именно это Форссколь и имел в виду, когда писал, что задачей свободы слова является воспитание «просвещенной публики». То есть фактически создание того, что мы называем общественным мнением, формирование которого стало основополагающей целью эпохи Просвещения. И в этом отношении Форссколь был в Швеции одним из виднейших представителей данного движения.

В своих письмах домой из экспедиции на Аравийский полуостров Форссколь комментировал политическую ситуацию на родине. Он, определенно, ждал, что свобода печати наконец-то будет введена во время работы той сессии риксдага, которая началась одновременно с его отъездом в экспедицию. Тот факт, что решение этого вопроса отложили на будущее, вызвал его разочарование. Будь он всё ещё дома, он наверняка продолжил бы свою борьбу. Возвратись Форссколь домой, «война возобновилась бы с новой силой», как написано в письме, которое передавали друг другу его товарищи по учебе.

Но когда несколько лет спустя риксдаг снова собрался на свою сессию и закон о свободе печати был наконец-то принят, Форсколя уже не было в живых. Из четверых участников экспедиции на родину возвратился лишь один. И это был не Форссколь. Форссколь умер в Аравии от тропической лихорадки.

Форссколю не суждено было пережить радость от того, что Швеция оказалась первой страной, где был введен закон о свободе печати, защищавшийся конституцией страны, но ему также было не суждено и другое – пережить разочарование, когда эта свобода через несколько лет была ограничена, чтобы затем, шаг за шагом, и вовсе покинуть страну, в кото-

рой вновь воцарилось единовластие. А книгу о гражданской свободе никто больше не решался издавать. А тем, в чьих библиотеках обнаруживался хоть один её экземпляр, приходилось платить обременительные штрафы.

Перевод со шведского на русский: Ирина Новицкая

Дэвид Голдберг

Преподавал на юридическом факультете университета Глазго с 1971 по 2000 год. В настоящее время – исследователь Центра общественно-правовых исследований юридического факультета Оксфордского университета и преподаватель права СМИ в университете Каледония (Глазго), в колледже Куин-Мэри (Лондонский университет) и в университете г. Стирлинга. Голдберг – член и один из основателей Международной ассоциации юристов СМИ; он также входит в состав общественной комиссии по свободе выражения мнения при британском Министерстве иностранных дел и по делам Содружества наций; он был сопредседателем организации «Кампания за свободу информации в Шотландии» с 1984 по 2008 год.

Гунилла Юнссон

Была служащей Королевской библиотеки с 1971 года до своего выхода на пенсию в 2006 году. Помимо всего прочего, она являлась ответственной за шведскую библиографию 1700–1829 годов. С 1996 по 2006 год была одним из заместителей директора библиотеки и начальником отдела развития библиотечного фонда и документации, отвечающим за состояние и приобретения правовых изданий, ведение национальной библиографии и каталогов.

Юнссон публиковала статьи о библиографии и истории книги на шведском языке, также у нее имеются публикации за рубежом.

Хелена Йедерблум
Лагман (председатель суда) Судейской палаты в Стокгольме. Была председателем группы экспертов Совета Европы по разработке Конвенции о доступе к официальным документам, принятой Советом Европы в 2008 году.

Томас фон Вегесак
Был издателем в издательстве «Нурстедтс» в 1968–1994 годах, председателем шведского ПЕН-клуба в 1978–1987 годах и председателем комитета «Писатели в заключении» Международного ПЕН-клуба в 1987–1993 годах. Опубликовал ряд книг о свободе слова, среди которых «Вкус свободы» – книга о создании общественного мнения в Швеции в 1755–1830 годах.

Гуннар Перссон
Специалист по законодательству в области средств массовой информации – особенно в вопросах, касающихся свободы печати – и по уголовному законодательству, относящемуся к области экономических преступлений. Преподает в Стокгольмском университете, автор книг о праве Европейского Союза и об уголовном законодательстве, а также о свободе печати в Швеции.